

справочныхъ, которыя принимались въ соображеніе въ октябрѣ. Покупаютъ и вручаютъ обществу кукурузу члены управы, раздѣлившіе между собою уѣздъ. Особого вѣда помощь оказывать земство тамъ, гдѣ обнаружались частныя заболѣванія тифомъ. Такъ, въ селеніи Токузы Каушанской волости въ ноябрѣ умерло 4 человека. Специальная коммиссія не пришла къ твердому рѣшенію относительно причины перепачальныхъ заболѣваній и потому одновременно принимала общія санитарныя мѣры и лечила больныхъ. Изъ 51 больныхъ, бывшихъ на попеченіи коммиссіи въ теченіи декабря, 31 принадлежатъ къ семейнымъ, нуждавшимся въ есудѣ на продовольствіе. Согласно распоряженію управы каждому больному доставлялось ежедневно по 1 ф. свѣжаго мяса, 1 ф. свѣжаго хлѣба и 1 штфу мѣснаго винограднаго вина. Земство расходовало на этотъ предметъ около 50 р. Въ цѣляхъ санитарныхъ было закрыто нѣсколько колодезевъ. Къ 23 декабря въ постели оставался одинъ больной.

Разныя извѣстія.

По свѣдѣніямъ „Томск. Листъ“, осенью будущаго года при Томскомъ университетѣ предполагается открытіе юридическаго факультета.

— Волжскія газеты сообщаютъ, что въ скоромъ времени ожидается открытіе въ городѣ Лукояновѣ библиотеки—читальни въ честь В. Г. Короленко.

— Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода побудилъ вопросъ о предоставленіи книгопродавцамъ московской синодальной типографіи безплатнаго проѣзда по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Ходатайство это, какъ слышали „С.-Пет. Вѣдомъ“, будетъ удовлетворено.

— „Гражданинъ“ передаетъ, что Святѣйшимъ Синодомъ сдѣлано распоряженіемъ о томъ, чтобы учащимся въ духовныхъ семинаріяхъ не было дозволено чтеніе въ библіотекахъ журналовъ и газетъ, выдача же изъ библіотекъ военнопленнымъ книгъ не производилась безъ особенныхъ письменныхъ разрѣшеній, которыя должны контролироваться.

Замѣтки журналиста о журналистикѣ и объ иномъ прочемъ.

Писатель и толпа. — „Чайка“ Чехова.

Испихъ новыхъ наслоевъ—дѣло до такой степени сложное и неизвѣданное, что по отношенію къ ней намъ пришлось ограничиться одними только намеками. По отношенію къ испиху писателя мы поставлены въ болѣе удачныя условія. Тутъ на помощь намъ приходитъ самъ писатель, и притомъ писатель-художникъ, отъ котораго мы вправе ожидать нѣкоторыхъ откровеній въ этомъ смыслѣ.

Мы говоримъ о новой комедіи г. Чехова: „Чайка“. Отношеніе органовъ толпы, ежедневной печати, къ этому произведенію очень характерно для свойства самой толпы. „Скучно, несценично“, „неудачная комедія“, „Богъ знаетъ, откуда авторъ свои типы взялъ“—вотъ что повторялось на разные лады въ этой печати. Не замѣтили одной маленькой вещи въ этой, во всякомъ случаѣ, любопытной и серьезной пьесѣ—именно, *настроенія*. А оно, въ сущности, и составляетъ главнѣйшій ея интересъ. Однимъ словомъ—от-

ношеніе толпы и печати толпы къ комедіи оказалось именно такимъ, какого и ожидать отъ толпы слѣдовало,—легкомысленнымъ, чтобы не выразиться по-сибирски.

Мы, впрочемъ, теперь не о художественныхъ достоинствахъ и недостаткахъ новаго произведенія г. Чехова бесѣдовать съ читателемъ хотимъ—задача наша иная. И если читатель встрѣтитъ въ послѣдующемъ изложеніи нѣкоторые экскурсы въ область чисто эстетической критики, то онъ сѣло можетъ оставить ихъ безъ вниманія, какъ простыя отступленія отъ главной темы. Нельзя, впрочемъ, не сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу творчества г. Чехова вообще, такъ какъ эти замѣчанія идутъ къ дѣлу и кое что уяснить читателю. Странное, вообще, отношеніе публики къ г. Чехову. Всѣ признають, что это—человѣкъ, обладающій безспорнымъ и значительнымъ художественнымъ дарованіемъ. Нѣкоторые, многіе даже—и знатки изъ тонкихъ цѣнителей—находятъ, что его талантъ выше, разностороннѣе и, главное, глубже таланта столь любимаго публикой и столь популярнаго беллетриста-художника, какъ г. Короленко. И, однако, произведенія г. Чехова нѣкого почти не трогаютъ, нѣкого не волнуютъ, составляютъ пѣсѣхъ покойными; они не зовутъ человѣка ни къ чему идеальному и высшему, не пробуждаютъ въ его душѣ никакихъ созвучій—или пробуждаютъ созвучія только весьма смутныя и трудно опредѣлимые. Хмурый изобразитель хмурыхъ людей—вотъ пока и весь г. Человѣкъ, какъ онъ выразился въ своемъ творчествѣ. И намъ почему-то кажется, что художникъ и самъ сознаетъ такое къ нему отношеніе читатели, что это изъ самой глубины его наболѣвшаго сердца у него вырвалось досадное признаніе, когда онъ словами главнаго героя „Чайки“, беллетриста Тригорина, говоритъ: „Публика читаетъ... Да, мило, талантливо. Мило, по далеко до Толстого... Или: прекрасная вещь, но „Отцы и дѣти“ Тургенева лучше. И такъ до гробовой доски все будетъ только мило и талантливо, мило и талантливо—болше ничего. А какъ умру, знакомые, проходя мимо могилы, будутъ говорить: здѣсь лежитъ Тригоринъ. Хорошій былъ писатель, но онъ писалъ хуже Тургенева“.

Не знаю, какъ вамъ, читатель, а мнѣ въ этихъ словахъ слышится прямо такъ вопль истерзанной души писателя... Не Тригорина, не самого г. Чехова, а просто современнаго писателя, утратившаго всякую душевную связь съ толпой и, однако, чувствующаго, если не сознающаго, что безъ нея для него, да и для всѣхъ насъ, нѣтъ спасенія, и потому растеряннаго все, что только дорого писателю, что и дѣлаетъ его настоящимъ писателемъ,—растеряннаго въ средѣ хмурыхъ людей ебру въ свою миссію. Вотъ именно этого-то *настроенія* газетные критики и не примѣтили. Нашлись льды, такіе мудрецы, которые въ комедіи г. Чехова—этого реалиста *ring sang*—какую то символичку усмотрѣли, даже нѣкоторое подражаніе Ибсену откры-

ли. Тамъ, молъ, дикая утка, а тутъ Чайка. О, мудрочки.

Займемся, однако, немного Тригоринимъ. „Человѣкъ умный, простой, немножко, знаетъ, меланхолическій. Очень порядочный“ — такъ характеризуетъ его соперникъ по любви и по искусству, символистъ и декадентъ Треплевъ. Самъ Тригоринъ характеризуетъ себя словами и дѣйствіями въ томъ же родѣ. „День и ночь — говоритъ онъ — одолеваетъ меня одна неотвѣзчивая мысль: я долженъ писать, я долженъ писать, я долженъ... Что же тутъ прекраснаго и свѣтлаго, я васъ спрашиваю? О, что за дикая жизнь?.. Вижу вотъ облако, похожее на рояль. Думаю: надо будетъ упомянуть гдѣ нибудь въ разсказѣ. Пахнетъ гелиотропомъ — упомянуть при описаніи лѣтняго вечера... Нѣтъмнѣ покоя отъ самого себя, и я чувствую, что събѣдаю собственную жизнь, что для меня, который и отдаю *кому то* (замѣтьте, Тригоринъ самъ не знаетъ, кому онъ медъ отдаетъ) въ пространство, я обираю пылъ съ лучшихъ своихъ цвѣтовъ“ и т. д. А далѣе: „хуже всего, что я въ какомъ то чаду и часто не понимаю, какъ и что я пишу“... Тригоринъ какъ будто даже и не человѣкъ совѣсть, по крайней мѣрѣ, не личность, а просто аппаратъ какой то для воспріятія скоро проходящихъ, летучихъ впечатлѣній, для переработки ихъ и для преподнесенія ихъ, не определенному и жаждущему его слова и его образовъ читателю — о, нѣтъ, — а кому то въ пространство. Встрѣтившись съ интересной дѣвушкой, онъ говоритъ: „я уже забывалъ и не могу събѣ ясно представить, какъ чувствуютъ себя въ 18—19 лѣтъ. Я бы хотѣлъ хоть часъ одинъ побыть на вашемъ мѣстѣ, чтобы узнать, какъ вы думаете и вообще что вы за штука“; увидѣвъ онъ убитую чайку (замѣтьте, въ тотъ моментъ, когда въ его сердцѣ появляется, что то въ родѣ любви), и сейчасъ же пишетъ въ книжечку: сюжетъ для романа. Молодая дѣвушка любитъ озеро, какъ чайка, и счастлива, какъ чайка. Случайно приметъ человѣкъ, увидѣвъ и отъ чего дѣлать погубить, какъ чайку. „Аппаратъ самопишущій — чистѣйшій аппаратъ... Правда, онъ утверждаетъ, что онъ тоже и гражданинъ, любитъ родину, народъ; онъ чувствуетъ, что если онъ писатель, то обязанъ говорить о народѣ, о его страданіяхъ и пр. и пр. Но вы то чувствуете, что если это и не слова, слова, слова — то, во всякомъ случаѣ, что то такое не въ натурѣ, не въ душѣ Тригорина имѣющееся и напускное, откуда то изъ традицій намъ взятое, не пережитое и не выстраданное имъ самимъ. Дѣло въ томъ, что, какъ человѣкъ, онъ ни любить, ни страдать не умѣетъ, а главное, онъ не умѣетъ *хотѣть*, потому что никто и ничто въ его средѣ не вынуждаетъ его хотѣть. Ничто и никто не зажигаетъ въ его груди священнаго огня желаній, волевого импульса, двигающаго горами. Онъ — хмурый человѣкъ среди хмурыхъ людей. Среда, окружающая Тригорина, среда хмурыхъ людей. Самъ ли онъ ее выбралъ, или она дана ему исторіей — это все

равно. Дѣло въ томъ, что иной среды онъ не знаетъ и не можетъ даже представить себѣ существованія иной. Да, можетъ быть, онъ и правъ; можетъ быть, хмурые люди только исключеніе — и среды не составляютъ. А Тригоринъ такъ же, какъ и самъ г. Чеховъ, реалистъ *pur sang* и не вѣрять въ то, чего представить себѣ не можетъ. Да и какъ бы онъ, вялый, безвольный человѣкъ, могъ повѣрить... Для вѣры надо, вѣдь, много любви и много страданія... А эти хмурые люди не внушаютъ любви и не даютъ страданія... У нихъ совѣсть не ущемлена даже, а прямо таки задавлена, а честь въ зачаточномъ состояніи находится. Сердцевинны, ядра у нихъ нѣтъ — либо выдѣлена ока, либо еще не развилась. Да и разовьется ли?

Трудно бѣдной „чайкѣ“ влетѣть въ вѣсь съ такими окружающими ее хмурыми людьми... Вѣдь, эта „чайка“, эта Нина — прямое порожденіе ихъ хмурости, вѣдь она родное дитя среды и не выходитъ изъ предѣловъ красиваго, но въ сущности глубоко печальнаго типа Тургеневской женщины. „Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, то прѣди и возьми ее“ — вотъ вамъ тутъ и всѣ „Чайка“, вотъ и всѣ ея полеты въ вѣсь, какъ бы они поэтичны ни казались вамъ. Вѣдь, ее, бѣдняжку, надо въ руки взять, пригрѣть, вырастить, да и указать, куда ей лѣтъ... А хмурые то люди, если они не кананируютъ отъ отсутствія совѣсти и легкаго щекотанья зарождающейся чести, только и умѣютъ, что — „случайно приметь и погубить“ — да и это то, впрочемъ, плохо умѣютъ, потому что и для этого то нужно усиліе хотѣть. И бѣдной „Чайкѣ“ остается все та-же мудрость Тургеневской Лизы: „главное — не слава, не блескъ, не то, о чемъ я мечтала, а умѣнье терпѣть и несли свой крестъ“ — ирреальность. Съ одной стороны: „святая нимфа, помини меня въ своихъ молитвахъ“. А съ другой: „иди въ монастырь“. Такова судьба вселкой чайки въ средѣ хмурыхъ людей.

И однако — и тутъ то, по нашему мнѣнію, и начинается торжество художественной правды — и однако, не все ужъ такъ хмуро среди этихъ хмурыхъ людей. Въ этой средѣ мелкихъ и жалкихъ образчиковъ вида *homo sapiens* вдругъ, незамѣтными черточками, въ комическихъ даже формахъ человѣкъ оказался. Кажется, что можетъ быть комичнѣе фигуры Мани, молодой дѣвушки, въ 20 лѣтъ неповоротливой, лѣнивой, опустившейся, посящей трауръ по своей жизни, нюхающей табакъ и пьющей водку? И, однако, эта Мана умѣетъ любить по человѣчески, даже лучше, чѣмъ умѣетъ любить Тургеневскій типъ, Чайка — Нина, любить упорно, преданно, самоотвержено и безкорыстно... Или учитель — фигура еще болѣе комическая сводящая всѣ свои требованія отъ жизни къ прибавкѣ жалованья, къ Манѣ и къ робѣлочку — вдругъ послѣ представленія символистическаго и декадентскаго пьесы Треплева, среди разговора о матеріи и духѣ обращается къ Тригору съ словами: „а вотъ,

знаете ли, описать бы въ пьесѣ и потомъ сыграть на сценѣ, какъ живетъ нашъ братъ учитель. Трудно, трудно живется... Вотъ она, черточка-то; такой у Ибсена не встрѣтишь. Смѣшно, конечно — и люди съ подавленной совѣстью и непробужденной честью, разумѣется, смѣяться будутъ... А все таки какъ будто и плакать хочется.

Замѣтите, что г. Чеховъ называетъ свою пьесу комедіей, не смотря на то, что одинъ изъ героев застрѣлился, а героиня — чайка не хуже Офеліи съ ума сошла. И г. Чеховъ правъ: въ самомъ дѣлѣ, какая же можетъ быть трагедія въ средѣ хмурыхъ людей? Трагическое въ искусствѣ — это борьба на жизнь и на смерть между личностью и враждебными ей силами. А ужъ гдѣ тамъ хмурымъ людямъ бороться — какіе они вонтели, коли у нихъ сердцевинны нѣтъ?

И надъ этой то публикой хмурыхъ людей, мечущихся, какъ Маргарита, въ тоскѣ отчаянія, съ сардонической улыбкой на безстрастномъ лицѣ возвышается самъ авторъ, бросающій свой странный вызовъ этой публикѣ. Нѣтъ, конечно, мы шутимъ — какой тамъ Мефистофель г. Чеховъ и какая тамъ у него сардоническая улыбка? Его писательская физиономія *искажена* улыбкой человека, которому больно и стыдно за людей, и который, однако, не хочетъ полюбить этихъ людей, не хочетъ признаться въ этой любви, не хочетъ признаться, что ему больно и стыдно... Ахъ, какая это скорбная улыбка! О, еслибъ г. Чеховъ захотѣлъ сказать намъ, какъ ему больно и стыдно за насъ! Вѣдь, тогда вышло бы что нибудь прямо таки грандіозное. Неужели онъ, какъ и Тригоринъ, не умѣетъ хотѣть?

У г. Номировича-Данченко въ одной изъ его „сказокъ дѣйствительности“ попадаются очень мѣткія слова: „больше поколѣнія не было, а передать эту муку мы безсильны. Все какъ то внутри переграетъ, не находитъ исходу. То-то бы эту тоску и смертную скуку въ картины, да въ книги вложить. Міръ бы перевернулся“.

То-то вотъ и есть — поди ка, вложи, коли не вѣрнѣе въ то, что отъ этого вылаживания міръ перевернется, коли вѣру въ свою миссію утратилъ или не имѣлъ ее никогда.

Только теперь замѣтилъ, что увлекся „Чайкой“ г. Чехова, и что отступленіе вышло какъ будто длинновато. А впрочемъ, точно ли это отступленіе? Не вводитъ ли оно въ самый центръ вопроса, въ самую глубину души современнаго писателя?

Ну, что дѣлать, отступленіе — такъ отступленіе. И опять и снова пойдемъ отъ отступленія къ отступленію, авось, съ Божьей помощью, до чего нибудь и доберемъ.

Въ какой-то газетѣ я недавно прочелъ такое разсужденіе: сложенъ современнѣйшій человекъ, — ахъ, какъ сложенъ. Въ перенетѣ его стремленій и потребностей

никакъ не разберешься. А разбираться надо: у него, современнаго человека, разные потребности нарастаютъ, и мы, говоритъ газета, по мѣрѣ силъ примѣчать ихъ будемъ и удовлетворять ихъ.... Это, какъ видите, разсужденіе типа „чего позволите“. Вамъ канканировать хочется — а эта потребность у современнаго человека несомнѣнная, — такъ извольте, и покаканлируемъ. Коли крокодиловыхъ слезъ о страданіяхъ народа надо — такъ, извольте, прольемъ ихъ, и т. д., и т. д.

Ну, а вотъ, въ извѣстномъ романѣ г. Эртеля: „Гарденины“ есть образованный купецъ-самоучка. Тотъ иначе разсуждаетъ. Ты, говоритъ онъ, ого, читателя-то, по банкѣ поровни книгой-то оглушить. Да поровни такъ, чтобы корешкомъ пришлось бы въ банку-то ого дикую, чтобы больно было. Долби, долби ого, повѣжу непроевѣщеннаго“.

Грубъ, разумѣется, совѣтъ, чисто купеческій, замоскворѣцкій даже. И я очень боюсь, что столь просвѣщенные люди, такіе истые европейцы, какъ одеситы, весьма Эртелевскаго купца не одобрятъ. Въ самомъ дѣлѣ, на что это похоже? Тутъ европейская, въ нѣкоторомъ родѣ, культура, до канкана и бульварнаго зубоскальства включительно, и вдругъ.... Оглуши, долби!... Нѣтъ, нехорошо, татарщина въ нѣкоторомъ родѣ.

И однако.... Вотъ въ другой формѣ этотъ купеческій совѣтъ послушаемъ и для этого возьмемъ одну маленькую цитату изъ вышеупомянутой статьи г. Иванова: „стиль можетъ быть въ высшей степени изысканнымъ, художественнымъ, филиграннымъ; ученость — глубокой; но отнимите у этихъ великихъ силъ обаяніе личности писателя, лишите блестящія и поучительныя страницы того, что Гоголь называлъ *участіемъ* и *соучастіемъ*, отнимите отъ литературной работы писателя исторію его души — и какъ будто солнце устранили съ неба, и великолѣпнѣйшій пейзажъ превратится въ царство молчанія и смерти“.

Однимъ словомъ, для того, чтобы дѣйствовать на общество, на организованныя и неорганизованныя общественныя силы, писатель долженъ быть, какъ говорилъ старикъ Милтонъ, „человѣкомъ дѣятельнаго знанія и общественнаго мужества“.

И выходитъ то же самое: оглуши его въ банку, долби его, невѣжу!... Только въ другой формѣ. Иначе ничего не подѣлаешь съ хмурыми то людьми, съ людьми подавленной совѣсти и непробужденной чести.

И для печати, опять таки, какъ тамъ ни верти, выходитъ старая формула: *Savoir, pour prévoir, et prévoir, pour agir*.... Обица эта формула, но очень широкая, и много въ нее вкладывается. Что именно вкладывается, о томъ теперь разсуждать, пожалуй, и не мѣсто. Много и долго говорить объ этомъ надо. Одно вѣрно, — что лучше этой формулы все таки ничего, пожалуй, не придумаешь.

П. Н.